

БЫВАЛЬЩИНА И НЕБЫВАЛЬЩИНА



МОРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

Саша Кругосветов

Бывальщина и небывальщина.

Морийские рассказы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17200475

*Морийские рассказы. Бывальщина и небывальщина / Саша Кругосветов: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2014
ISBN 978-5-905939-99-0*

Аннотация

Рассказы посвящены нравам бывалых, трусляков и балбеев, довольно странных видов Психов, Дураков и Простаков, появившихся в Мории в XIX веке и быстро расширяющих свою территорию групп морийского населения. Точно неизвестно, кто они. Известно, что морийцы. Но на людей они тоже не очень похожи. Саша Кругосветов считает, что у этих существ много общего с фамами, хронопами и надейками Кортасара. С нашей, человеческой точки зрения у этих существ очень странная жизнь. Тем не менее, присмотревшись, мы сможем разглядеть в них хорошо знакомые нам типажи, а также те или иные черты современной действительности и современного общества.

Содержание

От издателя	5
Предисловие	8
Интродукция	10
Мечты сбываются	15
Почти получилось	18
Время трусляков	20
Эффект Кирдиана	23
Трусляки – плохие друзья	27
Американские консервы	29
«Сайгон»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Саша Кругосветов

Морийские рассказы.

Бывальщина и небывальщина



Музыка Кортасара, аранжировка неизвестного автора

От издателя

Читатель, ты держишь в руках довольно странную на первый взгляд книгу. Морийские рассказы – это книга об очень своеобразной стране, о Мории, плавающем рукотворном острове, свободно дрейфовавшем в недавнем прошлом в Атлантическом и Тихом океанах. Остров был создан в начале XVI века и демонтирован, перестал существовать в начале XX века. Туда в свое время были выселены из Германии больные и дураки. Не так дураки, как скорее люди, отличные от других. Остров дураков, одним словом. Потому и называли его по имени греческой богини глупости Мории. Во второй половине XIX века остров посетил знаменитый русский мореплаватель капитан Александр. Он оставил наиболее подробные сведения о жизни обитателей этого необычного острова. Не очень ясно и происхождение этой книги. Неясно, как она попала к нам и кто ее автор. Возможно, она принадлежит перу друга капитана Александра, коренному морийцу, поэту-патриоту Дижу Быжу, известному морийскому историку, писателю, философу. Морийский язык близок одному из старейших диалектов немецкого, способ изложения мыслей жителей Мории и их мироощущение очень далеки от нас, от нашей культуры и не всегда воспринимаются современным сознанием. Историограф капитана Александра и острова Мории, детский писатель Саша Кругосветов взял на

себя труд и смелость перевести эту книгу с морийского, литературно обработать ее и написал предисловие. Однако, и с самим Сашей Кругосветовым тоже до конца не все ясно. Мы знаем много его книг, знаем его литературный почерк, но не знаем, кто он. Я издаю уже шестую книгу Кругосветова, знаю, как мне кажется, его биографию, но до сих пор не понимаю, кто это и существует ли этот человек на самом деле. Его рукописи приходят в мое издательство «Продюсерский центр Александра Гриценко» с разных ай-пи адресов, книги посвящены разным темам и разительно отличаются друг от друга жанром и стилистикой. Каждый раз, получая предложение от этого автора (может быть, от разных авторов?) об издании его новой книги, я размышляю о том, правильно ли поступаю, соглашаясь на прием новой рукописи? Однако, оригинальность сюжетов и увлекательное изложение каждый раз заставляют меня отбросить сомнения и согласиться с изданием новой книги Кругосветова, втягивающего меня таким образом во все новые круги своих мистификаций. Не стала исключением и эта книга. Не знаю, кому мы обязаны ее появлением – перу Дига Быжа, воспоминаниям капитана Александра, перу Саши Кругосветова или каким-то другим неизвестным нам современникам – однако же, я как издатель с чистой совестью предлагаю вам для чтения этот необычный сборник рассказов под названием «Бывальщина».

Рассказы посвящены нравам бывалых, трусликов и балбесов, довольно странных видов Психов, Дураков и Простаков,

появившихся в Мории в XIX веке и быстро расширяющих свою территорию групп морийского населения. Точно неизвестно, кто они. Известно, что морийцы. Но на людей они тоже не очень похожи. Вернее, похожи, но точно не люди. Эти существа, видимо, имеют что-то общее с грибами. Особи мужского пола выбрасывают споры, а женские особи находятся в постоянном окружении облачка инфузорий-туфелек. Саша Кругосветов считает, что у этих существ много общего с фамами, хронопами и надейками Кортасара. С нашей, человеческой точки зрения у этих существ очень странная жизнь. Тем не менее, присмотревшись, мы сможем разглядеть в них хорошо знакомые нам типажи, а также те или иные черты современной действительности и современного общества.

Издатель, драматург, писатель Александр Гриценко

Предисловие

В течение последних нескольких лет я собирал материалы об истории плавающего рукотворного острова Мория, свободно дрейфовавшего в недавнем прошлом в Атлантическом и Тихом океанах. Остров был создан в начале XVI века и демонтирован, перестал существовать в начале XX века. Туда в свое время были выселены из Германии больные и дураки. Не так дураки, как скорее люди, отличные от других. Остров дураков. Потому остров и назвали по имени греческой богини глупости Мории. Во второй половине XIX века остров посетил знаменитый русский мореплаватель капитан Александр. Он оставил наиболее подробные сведения о жизни обитателей этого необычного острова. Во время путешествия по Мории Александра сопровождал его друг, коренной мориец, поэт-патриот Диж Быж, историк, писатель, философ. История становления этой необычной морийской цивилизации, уклад жизни обитателей острова и стиль работы его учреждений, сложившиеся во второй половине XIX века, с трудом воспринимаются современным сознанием и вызывают неизбежный скепсис и критику. Тем не менее, приоткрывшись, мы сможем разглядеть в них те или иные черты современной жизни и современного общества.

Книга о Мории была уже почти закончена, когда я получил письмо из Феодосии. Неизвестный мне автор письма со-

общает, что из прессы он узнал о моем посещении Феодосии и Керчи, городов, в которых капитан Александр провел последние годы жизни. Видимо, автору было известно и то, что я изучал там архивы и собирал по крупицам материалы, посвященные истории Мории. Вместе с письмом он прислал мне ветхую пожелтевшую рукопись «Морийские рассказы», переданную ему дедом в пятидесятые годы прошлого столетия. Сама же рукопись, по мнению автора письма, может быть датирована двадцатыми годами двадцатого века, когда его дед проживал в Соединенных Штатах Америки. Как попала эта рукопись к его деду, ему неизвестно.

Размышляя об истории этой рукописи и её содержании, я подумал – а уж не перу ли Дига Быжа принадлежат эти рассказы? Ему в то время могло быть около 80 лет. И, насколько я знаю, он был тогда в зените славы. Так ли это на самом деле, кто написал эти короткие рассказы, – трудно сказать. Я решил литературно обработать и издать часть «Морийских рассказов» в виде отдельной книги «Бывальщина и небывальщина». Возможно, некоторые из этих рассказов покажутся тебе поучительными, мой читатель.

Саша Кругосветов

Интродукция

Сие сочинение посвящено нравам бывалых, трусляков и балбеев, довольно странных видов Психов, Дураков и Простаков, недавно появившихся и быстро расширяющих свою территорию групп морийского населения. Точно неизвестно, кто они. Раз живут в Мории – значит, морийцы. Но на людей они тоже не очень похожи. Вернее, похожи, но точно не люди. Эти существа, видимо, имеют что-то общее с грибами. Особи мужского пола выбрасывают споры, а женские особи находятся в постоянном окружении облачка инфузорий-туфелек. У грибов, правда, собственных инфузорий-туфелек, видимо, нет.

Так что эти существа не грибы. Ну а споры все же есть. Значит, что-то общее с грибами имеется.

Бывалые отличаются особой независимостью и борзотой. Знают наверняка, как решать любые проблемы. У них готов рецепт на все случаи жизни. Если потом выясняется, что нельзя действовать так, как они предлагают, появляется новое решение. Если и это решение неудачно, – находится третий вариант. Почему вы так уверенно предлагали первый вариант? Это было правильное решение в определенных обстоятельствах и в определенный момент, с вызовом отвечают они. Бывалые любят рассказывать бывальщины.

Трусляки не особенно жалуют бывалых, считают себя

морально выше бывалых, жалеют бывалых и в противовес им рассказывают небывальщины. Балбейки (женские особи балбейского племени) плохо понимают рассказы и тех, и других. Сами ничего не рассказывают. Не умеют. Да и говорят посредственно. Балбеи тоже, конечно, встречаются в Мории, но их не так много. Мальчики в семьях балбеев стыдятся своего балбейства и мечтают стать бывалыми, в крайнем случае – трусяками, ну, хотя бы, – просто небалбеями. О таких молодых балбеях, которым удалось стать хотя бы небалбеями, говорят – «перебалбесился».

Балбейство похоже на заболевание и может быть заразным. От балбеев во все стороны разлетаются особые инфузории-туфельки, такие маленькие многоногие вошки, которые передают балбейство всем, с кем балбеи входят в контакт, всем, кто хочет всё-таки иметь с балбеями (чаще всего с балбейками) какие-то дела. А некоторые балбейки, надо сказать, настолько привлекательны... Следует констатировать, что ни бывалые, ни трусяки обычно не находят в себе моральных сил, чтобы отказаться от услуг пленительных балбеек. Конечно, в просвещенной Мории разработаны методы профилактики балбейства и средства предотвращения от заражения им. В газетах, журналах и уличной рекламе постоянно размещаются материалы на эту тему, и даже рубрика специальная имеется: «Безопасный балбеизм». Тем не менее, нередко случаи заражения балбейством. Как правило, тот, кто связался с балбейкой, например, сам очень быст-

ро становится полным балбеем. А также – многоного-инфузорие-носителем. Поэтому, если в компании молодежи появляется хоть один балбей, или хотя бы одна балбейка, очень скоро все становятся балбеями. Жители элитных поселков Мории – Щеповки и Попсовки, например, – все, от мала до велика, инфицированы балбеизмом, или балбейством, что, видимо, одно и то же. Бывалые любят поучать, как предохраняться от инфицирования при контактах с балбейками. Им легко рассуждать об этом. Бывалые не боятся связей с балбейками, у бывалых от балбейства иммунитет. Возможно, в действительности, они сами повально заражены балбеизмом и являются его носителями, но скрывают это. Есть мнение, что бывалость – скрытая форма балбейства.

Бывалые любят трусляков и дружат с ними. Очень переживают за них и подробно инструктируют каждого трусляка, если тот решил связаться с балбейкой. Боятся бывалые потерять друга безвозвратно. О чем можно будет говорить с трусляком, если он вдруг станет балбеем? Трусляк, скорее всего, утратит музыкальный слух, которым эти существа обычно изрядно одарены. А если произойдет худшее... Только и сможет бывший трусляк спеть возлюбленной балбейке: «киска моя, я – твой зайчик, балбейка моя, я – твой попугайчик». И вместе с толпой балбеев валом валят такие трусляки (больные! больные!) на концерты попугаистого Филина Крюкова с красным ирокезом. Прогуливается и дружески беседует бывалый с трусляком, а как увидит рядом

балбейку – враз замолкает. Не дай бог, трусляк начнет отвечать, откроет рот, инфузория вошистая – раз, и залетела в рот. Или за шиворот, или даже, неудобно говорить, – в трусики трусняка. А там недалеко – может и до сердца добратся.

Многие балбейки живут на мачтах и ночью кутаются в паруса, чтоб не замерзнуть. А где еще жить, если жить негде? Эти самые что ни на есть балбейки, особенно те, что только слезли с мачт, интуитивно тянутся к бывалым (интуитивно – потому что балбеи, как правило, живут инстинктами), в крайнем случае – к труснякам. Трусняки, конечно, – личности более значительные, чем бывалые, но инстинкты тянут балбеек именно к бывалым. У трусняков, даже самых продвинутых и успешных, нет той мужской харизмы, какой обладают центровые парни из бывалых. Бывалые считают особой доблестью как можно шире разбрасывать отряды своих боевых спорозавров навстречу легкой коннице многоногих балбейских инфузорий-туфелек. Бывалые видят тягу к ним балбеек, понимают свои преимущества и пользуются случаем взять хоть в этом реванш над своими более интеллектуальными друзьями-труснями, компенсировать их моральное превосходство. И бывалые, и трусняки относятся к балбейкам снисходительно и покровительственно, но, скажите на милость, кому могут не понравиться эти шикарные, гламурные и достаточно доступные балбейки? Балбейки вызывают к сочувствию: они наивны, беспомощны, неудачливы. На

самом деле, они равнодушны ко всему и вся, кроме самих себя. А какой лексикон! Мы-то с тобой, читатель, прекрасно знаем этот лексикон: хо-хо! хамишь, парниша? жуть, уля, как ребенка, кр-р-расота! толстый и красивый... Цели у всех этих существ разные. Балбейки хотят найти состоятельного и состоявшегося бывалого, в крайнем случае – трусяка. Бывалые и трусяки – прислониться к понятным и притягательным прелестям неотразимых балбеек, к их естественной раскованности, к их незатейливому, незамутненному сомнению и размышлениями, преимущественно тактильному миру. Нам непонятно, как всё это может сочетаться друг с другом, но факт остается фактом – случаи подобных успешных альянсов, мезальянсов, недоальянсов и мимолетных альянсов весьма нередки.

Мечты сбываются

Трусляк всегда знает, что будет. Но лучше бы ему этого не знать. Если подумает: «Бедный-бедный трусляк, вот, что с тобой может случиться». Так и случается. Только подумает что-то, именно это самое и получается. Надо постараться ни о чем плохом не думать, тогда и не случится. А как не думать? Трусляки изо всех сил стараются ни о чем не думать. А мысли сами собой так и носятся, так и носятся. Прямо голова пухнет от этих мыслей. И обязательно какая-нибудь пакостная мыслишка забежит. Откуда ни возмись. Кошмар какой-то. И как раз эта самая пакость и случается.

Трусляки все время сосредоточены на том, чтобы ни на чем не сосредоточиться. Они говорят сами себе: «Вот я смотрю на солнце. Вот я смотрю на зеленое деревце. Вот я смотрю на бабочку. Я ни о чем не думаю. А вот идет прелестная балбейка. Какая же у нее крепенькая попка...» «Куда ты пялишься, безмозглый трусляк?» – набрасывается на трусляка жена. «Опять поймал неприятность на пустом месте. Вот так всегда. Еще и подумать ни о чем плохом не успел – и уже проблемы».

У бывалых все иначе. Бывалый, действительно, ни о чем не думает. Не умеет. Да и не нужно ему. Он знает, что и так все будет хорошо. А если не так, то будет по-другому. Это еще лучше. А если и это не получится, то будет совсем ина-

че. И тогда уже точно все будет классно. Какая шикарная балбейка! Даже не ожидал встретить такую. Балбейки с первого взгляда отличают центрального бывалого: «Здрав-бвал, не угостишь бедную девушку табачком или чем поинтересней?» – «Как не угостить аппетитную балбейку?» Позитивные устремления, позитивные мысли, позитивные слова, позитивные поступки, позитивные результаты. Это мы так говорим. Бывалый далек от подобных размышлений. Он так живет.

Труслякам иногда приходят в голову перспективные идеи. Сулящие успех, удачу, признание. Можно сказать – мечты. Но они, эти мечты, почему-то оказываются в далеком-далеком будущем. Замечается, бывало, трусляк. Вот он миллионером станет. Женится на невообразимо прекрасной женщине-лебедь. Выезд у него шикарный... и кучера во фраках. Денег для этого потребуется столько, да столько, считает трусляк. А зарабатываю я столько. Столько-то лет должно пройти, чтобы это случилось. И будет мне тогда годочков девятью с небольшим. Смогу ли выезжать-то на этом экипаже? У меня к тому времени будут подагра, панкреатит, остеопороз... А барышня-то, лебедь которая, – чо мне с ней делать тогда? Так и она уже, лебедь эта, к тому времени кряквой потрепанной станет. Желание-то сбудется, видать, да уж и не нужно оно будет к тому времени совсем. В грусти и в слезах возвращается трусляк к сегодняшнему дню. «Что приуныл, труслячок? – подбадривает он сам себя. – Ноги еще ходят.

Если потребуется, – извозчика нанять можно. Или на конке поехать. А в супружницы – балбейку, подружку свою, возьму. Бойкая бабешка. Хоть и не из попсян, да мне в самый раз».

Бывалый дружит с трусляком. Едут они отдыхать на южный берег Мории. Бывалый каждый божий день новую балбейку находит. И удаляется с ней на дальний безлюдный пляж. Очень переживает трусляк: получится у бывалого с новой подружкой что-нибудь или полный отлуп будет? К вечеру возвращается бывалый с дальнего пляжа усталый. Длинную палку на плече несет. Чтобы издали видно было. Чтоб не волновался трусляк попусту. Если болтаются на конце палки женские трусики, значит – все в порядке, все получилось. Не волнуйся, друг трусляк, попусту. Да что тебе, трусляк, добрая душа, волноваться-то? Все-то у друга твоего завсегда получится.

Почти получилось

Трусляк знает: о чем он подумает, что в будущем могло бы произойти, ровно так оно и случается. Решил трусляк, что будет настраиваться только на позитивные мысли и предчувствия. Тогда сбудется самое невыполнимое. Вот, я вижу центрального бывалого. Огромный качок, к тому же добродушный. Вроде не одолеть его. А я запросто с ним совладаю. Так и будет. Как я решил. В асфальт закатаю. Ты чего? – говорит трусляк могучему бывалому. Кто? Я? Ты, ты! Да я ничего. Оправдываешься – значит, неправ. Да я не оправдываюсь. А, – ты еще и нахал. На счетчик поставлю. Бывалый отвечает: я думал, ты трусляк, оказывается – полный балбей. Так он говорит. Ладно, я лучше пойду. Разворачивается бывалый спиной к собеседнику, да по пути задевает случайно тщедушного трусляка. Чуть-чуть задевает, а, кажется, все ребра переломал. Сидит на земле растерянный трусляк и думает: а ведь могло получиться. Почти получилось. Жаль. В самом начале, видать, мысль ненужная мелькнула: «Невозможно совладать с эдаким здоровяком». Ошибка. Как подумал, так и получилось. Оборачивается бывалый, смотрит на растерянного трусляка. Ничего понять не может. Удивляется: и действительно, чего это я? – говорит он. Руку подает. Вставай, доходяга! Не обижайся. Извини, если что не так. А ведь в конце концов совсем неплохо получилось, думает

трусяк.

Время трусликов

У трусликов сложные отношения с временем. Во-первых, они очень любят музыку. И когда поют или играют на народных инструментах, им удается сложить извилистые и корявые тропинки пространства и времени в стройную, прозрачную пространственно-временную решетку, по которой труслики мгновенно уносятся в далекое будущее. Потом возвращаются. И никак не могут понять, что случилось. Почему они вернулись в прошлое? На много лет назад. Неужели так ничего и не произошло из того, что они уже видели в будущем?

Поэтому они всегда нервничают из-за времени. По пустякам. Если, например, часы труслика ушли на пять минут вперед, он переживает, что в сравнении с другими он потерял пять минут из прошлого. За эти пять минут он мог сделать так много. Бедный, несчастный труслик. Плачь, плачь. Эти ужасные часы китайского производства, почему китайского? – китайского, китайского, уж я точно знаю, эти китайцы так и хотят украсть у нас самое дорогое, что у нас есть, – время, ведь время отмерено нам раз и навсегда, а если у нас украли кусочек, так его уже не вернешь. А ведь в это время могло произойти самое, что ни на есть, самое интересное, самое важное, может быть, я, бедный труслик, встретил бы свою единственную, любимую, может, она пришла в назна-

ченный срок, а меня там нет, меня нигде нет в это время. Потому что у меня это время украдено. Вот она и ушла.

А я остался один-одиёшенек. Никто уже не сможет меня понять так, как поняла бы она. И все из-за китайцев. Сюда, на Морию, их не пускают. Правильно. Так они часы свои шлют. Поэтому-то у них, у китайцев, столько лишнего времени. Украли у каждого по пять минут. А получилось, что у них времени вдвое больше, чем у других. Вот и размножаются сверх всякой меры. А что делать? Ведь это украденное время ничего им не стоит. Растраниживают это время направо и налево. Им не нужны мои пять минут, во время которых я мог бы встретиться со своей любимой. А мне бы вернуть хотя бы мои пять минут. Но на моих часах на пять минут позже. И со службы в Иоанновском соборе я приду домой на пять минут позже. И кофе, что приготовит мне домашняя балбейка, я получу на пять минут позже. И он будет совсем холодный, этот кофе. И грелка, что будет положена мне в постель, к этому моменту остынет, а ночь будет короче на пять минут. Ведь на работу в свою контору я должен прийти вовремя. А если я буду спать как обычно, у меня не останется времени для завтрака, и я буду одеваться впопыхах и обязательно что-нибудь перепутаю. И опоздаю на утреннюю конку. И придется бежать по Рейнскому проспекту. Буду на работе неопрятно выглядеть, буду помятый, взмыленный. И получу нахлобучку от начальства. Ведь они не знают, что во всем виноваты китайцы.

А если часы труслика отстают... Да, я вижу: на Домском соборе часы показывают на пять минут больше, чем мои. Теперь, конечно, я обязательно приду туда, куда мне следует прийти. Но я приду на пять минут позже. И моя суженая опять уйдет, не встретив меня. Потому что я еще не пришел. Опять у меня украли пять минут.

Но уже не из прошлого, а из будущего. Ах, я бедный, несчастный труслик! Нет мне покоя. Каждый самый никудышный китаец норовит украсть у меня время, то из прошлого, то из будущего.

Эффект Кирдиана

Морийцы давно уже научились наблюдать движение всемирного духа, который обитает в каждом живом теле. Они придумали специальные приборы, с помощью которых можно наблюдать свечение живого тела. Потому что в процессе жизнедеятельности всемирного духа из тела человека, животного или растения во все стороны разбрасываются всяческие корпускулы и быстро вращающиеся разноцветные маленькие кусочки света. В более поздние времена в Европе переняли достижения морийцев, присвоили себе, как водится, лавры первооткрывателей этого эффекта и назвали его «свечением Кирлиана».

Один трусляк сумел за огромные деньги приобрести такой прибор. Чтобы испытать аппарат, пригласил на обед своего друга бывалого, а также прославленного поэта-патриота Дيجا Быжа в качестве, так сказать, интеллектуальной закуски. Дيجا Быжа никак нельзя посчитать бывалым. Трусляком – тоже. Тем более, никак не назовешь его балбеем. Диж Быж – во всех отношениях не дурак, хотя и старается казаться таким. Вряд ли можно считать дураком того, кто публично заявляет, что он дурак. Хотя уж кому-кому, а Дижу Быжу никак не откажешь в его морийском, а следовательно – дурацком происхождении. Да ведь всем известно – не такие уж дураки эти морийские дураки.

Вот они, трусяк, бывалый и Диж Быж, едят, пьют, – кушают, одним словом. А блюда им подает балбейка, которая работает прислугой у этого трусяка.

Как хорошо, что мы пригласили Диж Быжа, думает трусяк. Поэт-патриот соловьем заливается. И говорит, и говорит. Всё-то он знает лучше всех. И о том, и об этом. Да все больше о материи говорит, о сознании и даже о бессознательном. Да еще о внутреннем и внешнем. А также о попытках познания, о возможности познания и, наконец, о понимании. О причинах и следствиях. Трусяк, что пригласил бывалого и Диж Быжа, – очень неглупое существо. Точно неизвестно, человек ли, но существо неглупое. Слова Диж Быжа звучат для него подобно музыке. Ничего не понять, а удовольствия – выше крыши. Бывалый, конечно, тоже не молчит, рассказывает бывальщины. Для балбейки слова Диж Быжа и бывалого звучат как шелест листьев и слабый ветерок в дальнем конце сада. Балбейка, снующая между столовой и кухней, – она тоже имеет свое мнение по каждому вопросу – успевает вставить несколько слов в беседу. Совсем не в тему Трусяку очень нравится, что завязался непринужденный общий разговор. Он все время поглядывает на прибор и даже не замечает, что каждый говорит о своем и не слушает другого.

Потом Диж Быж рассказывает о тайнах Тайного Писка (*psk*, *политсыска*, – *Примечание автора*). Также очень высокие материи. Он говорит о матерщине, о сознанке и несознанке. О нутрянке и наружке. О пытках, о признании и о по-

нятиях. О следствии и о следаках. Все слушают, затаив дыхание. Очень хочется почувствовать себя хоть чуточку причастным к работе великого ведомства, позволяющего каждому жить спокойно в родной стране. Бывалый тоже, конечно, обо всем этом имеет свое мнение и вываливает ворох бывальщин. Балбейка, которая считает: «Что-что, а в мужчинах-то я разбираюсь», – с придыханием рассказывает, какие душки эти ребята следаки, ребята из наружки, рассказывает о куме и уж конечно – об очаровашке-сексоте.

Прибор показывает, что бывалый – это гипержизнь, Диж Быж – ультражизнь, балбейка – псевдожизнь, а трусляк, увы, недожизнь, очень слабое проявление жизни (свечения почти совсем нет), да и свечение-то в одной только области, в музыкальной сфере.

Гипержизнь без конца произносит «смешные» тосты, сам себе наливает, сам с собой чокается, сам смеется своим шуткам и смачно закусывает (шутки, то бишь) соленым огурцом. Шутки, кстати, тоже довольно соленые! Он буквально светится в лучах испускаемого им всемирного духа.

Недожизнь перемалывает рождественскую индейку со скоростью молодого мустанга, догоняющего любимую кобылу.

Очень хочется достигнуть более яркого свечения. Балбейка успевает отхватить лучший кусок, пока несет блюдо от кухни до стола. Ультражизнь, Диж Быж то есть, не отстает ни по части выпивки, ни по части закуски, ни по части ущип-

нуть балбейку за мягкое место, заполняя ее псевдожизнеутверждающими балбейскими взвизгиваниями небольшие паузы между собственными философскими пассажами.

Всё сожрали – сыр, рыбу, огурцы, выпивку, жалкие обломки ненужного уже, недавно еще живого биологического материала, отбросы жизнедеятельности всемирного духа.

После десерта беседа сама собой увяла, гости разошлись, оставив на столе разрозненные кусочки нежизни уже. Со всем уже не жизни. Эффект Кирлиана.

Трусляки – плохие друзья

Молодые трусляк и балбей – неразлучные друзья. Решили друзья вместе поехать в отпуск. На южный берег Мории. Покупаться, позагорать. И время хорошо провести. Устроились, осмотрелись. Решили подружками обзавестись на время отпуска. Балбей – мечтатель, романтик. Лежит в тени под тентом, мечтает, что будет у него подружка – красотка, такая, как Таша Кралия или как Анфиска. А если повезет – так не хуже, чем женщина-лебедь. А труслячок тем временем шастает по пляжам и пляжикам, по бухтам и заливчикам. То около одной балбейки якорь поставит, то около другой. Со всеми перезнакомился. Пойдем, говорит он, милая барышня, с другом своим познакомлю. Тебе он понравится – офигительный балбей. Не нравятся, однако, балбею знакомки трусляка. Ни та. Ни другая. У этой голос грубый. У той – попа вислая. У одной ноги некрасивые, у другой – руки. А вот та – красотка, нет слов, мне кажется, не слишком образованна. Из простой семьи, видимо. Правда, я почти не говорил с ней, но и так заметил. После каждой такой встречи с претенденткой достает балбей любимый бутерброд с ветчиной – в утешение себе, чтобы не расстраиваться. Идет время. Молодые люди подружками так и не обзавелись.

– Тебе не угодишь, – говорит трусляк другу. – Я должен о себе позаботиться.

Вскоре находит симпатичную девушку-балбейку. Представляет ее другу.

– О! – радостно встречает их балбей, – это как раз то, что надо.

– Ну, уж нет, – возражает трусяк, – это моя балбейка. Тем более что я ей тоже приглянулся.

– Не зря отец с матерью говорили мне – не водись с трусяками, трусяки – плохие друзья, – бубнит балбей. И достаёт очередной бутерброд, чтобы скрыть досаду.

Американские консервы

Бывалый хочет открыть консервную банку. «Сайра в томате». Странно, раньше всегда была в масле. Если в томате, надо открывать её как-то по-другому. Кто же поставил нам это чудо-юдо? Американцы, что ли? От них всегда жди какой-нибудь каверзы. Наверное, столетней давности консервы. На тебе, боже, что нам негоже. Если в томате, да еще столетней давности, должна быть раздутой. Да нет, банка не взбухшая. Наверное, уже такое старье, что весь томат ссохся, затвердел вместе с рыбкой. Присох к металлу. Обычным консервным ножом не проткнешь и не откроешь. Надо нож наточить поострей. С другой стороны, пожалуй, не стоит этого делать. Если нож будет слишком острым, можно и дно пробить заодно. Если слишком тупой – сминать металл будет. Металл сомнется – никогда уже и ни за что банку не откроешь. Придется обычным ножом. Не тупым, не острым. Надо открывать понемножку. Без резких движений. Небольшими шажками. Вот так. Вот так. Не волнуйся, бывалый. Я в тебя верю, говорит он сам себе. Ты обязательно справишься. Не дергайся, малыш. И не такие проблемы решать приходилось. Уф-ф! Вот и получилось.

После этого случая бывалый подолгу рассказывает друзьям об особенностях открывания консервных банок «Сайра в томате». Учит, как выбирать консервный нож, как грамот-

но им манипулировать. Все слушают внимательно – бывалый знает. Скажи, бывалый, консервы-то вкусные? А-а, ерунда – обычное американское барахло.

«Сайгон»

Балбейки неизменно возмущаются, если какой бывалый начнет танцевать или петь воловяк или коровяк. Что за подлецы! Ничем их не пронять.

То ли дело – трусляк. Ему только скажешь: «Ты чего?» – он сразу и убежит. Неважно, кто и почему скажет, – сразу убежит. Или, наоборот, начнет истерично кричать: «А ничего, ничего, ничего», – и даже стукнет кулачком по столу, а потом испуганно посмотрит по сторонам и, все равно, убежит. Даже если он и не танцевал, даже если не пел – ни воловяк, ни, тем более, коровяк.

Потом пойдет трусляк в кафе «Сайгон», что на углу Рейнского и Виганд-Виртовского проспектов. Там собираются все испуганные и обиженные трусляки. В «Сайгоне» их никто не тронет. Они могут говорить о том, о сем, сколько угодно. Возьмет трусляк чашечку дешевенького кофе и сидит весь день. Никто его не выгонит. Туда еще могут приходить молоденькие балбейки. Очень жалеют они «бедных, бедных трусляков». А центровые бывалые редко заглядывают. Зайдет, бывало, бывалый, посмотрит по сторонам – ничего интересного – и тут же уйдет.

Сидит обиженный трусляк. Тихонько плачет в кулачок. Слушает «Besame, besame mucho». К нему подсаживается молоденькая балбейка: что грустишь, труслячок? Слушаю

«Besame mucho». Это песня Серебряной страны. В Серебряной стране нас уважают и любят. В столице Добрых ветров никто не называет нас обидными словами – ни трусяками, ни трусованами. Там нас уважительно зовут хронопами. Потому что мы любим музыку и умеем управлять временем. А вас, глупеньких балбеек, там зовут надейками, потому что вы даете надежду. А как там зовут бывалых, я не знаю. Бывалых там зовут фамами, говорит балбейка, потому что они там, как и здесь, известные авторитеты. А некоторых зовут хамами. Тех, кто плохо себя ведет и танцует на улице воловяк или даже, чего доброго, коровяк. Тебе нравятся бывалые? – спрашивает трусяк. Балбейка мечтательно облизывает языком губы: да нет, мне больше нравятся скромные трусячки. Врет, наверное. Такие, как ты. Вы никогда не обидите балбейку и музыку любите. А ты был в Трусомоле (*Трудовой союз молодежи. – Примечание автора*)? Конечно. Трусомол ведь специально создавали для того, чтобы трусячки не чувствовали себя обиженными. Я тоже была в Трусомоле, говорит балбейка. А в Единую Морию нас, трусячков, не берут. Туда берут только бывалых. На свои единоморские съезды они обязательно привозят балбеек. Чтобы обстановка была не такой тягостной. И чтоб президиум был более представительным. Особенно любят приводить ладненьких спортсменов. Нас, трусячков, берут в Единую Морию только, если кто становится президентом какой-никакой академии, музыкальной академии, академии добрых дел или академии

времени. Потому что никаким президентом тебя никак нельзя назначить, если ты не единоморец. А обычного труслика в единоморцы ни за что не примут. Там одни бывалые. Бывалых всех берут в Единомерию. В крайнем случае – в партию Народной диктатуры. Они и становятся всяческими руководителями и начальниками. Потому и ходят всегда веселыми. Знают, что их будущее нерушимо, оно определено раз и навсегда. Они могут позволить себе быть добрыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.